

Рахманова М.

Памяти А.С. Ляпуновой / Петербургский музыкальный архив. Вып. 9 / Сост. Т.З. Сквирская. СПб: Издательство Политехнического университета, 2012.

Зайцева Т.А. Творческие уроки М.А. Балакирева. Пианизм, дирижирование, педагогика. СПб: Композитор, 2012.

Алексеев-Борецкий А.А. Николай Иванович Заремба. СПб: Береста, 2011.

A. S. Lyapunova *In Memoriam* / St Petersburg Music Archives. Vol. 9 / Compiled by T. Z. Skvirskaya. St Petersburg: Izdatel'stvo Politekhnikheskogo Universiteta ('The Polytechnic University Press'), 2012 (in Russian)

T. A. Zaytseva. M. A. Balakirev's Creative Lessons. Pianism, Conducting, Teaching. St Petersburg: Kompozitor, 2012 (in Russian).

A. A. Alekseev-Boretsky. Nikolay Ivanovich Zarembo. St Petersburg: Beresta, 2011 (in Russian).

Аннотация. Рецензия посвящена трем петербургским изданиям последнего времени, в центре которых — судьбы выдающихся деятелей истории русской музыки второй половины XIX — начала XX веков.

Abstract. A review of three recent St Petersburg publications centred around the lives and fortunes of outstanding Russian musicians of the late 19th and early 20th centuries.

Ключевые слова: А. С. Ляпунова, С. М. Ляпунов, русское зарубежье, М. А. Балакирев, Н. И. Заремба, музыкальные архивы, пианизм, дирижирование, музыкальная педагогика, Петербургская консерватория.

Key Words: A. S. Lyapunova, S. M. Lyapunov, Russian diaspora, M. A. Balakirev, N. I. Zarembo, musical archives, pianism, conducting, musical pedagogy, St Petersburg Conservatoire.

Девятый выпуск «Петербургского музыкального архива» (СПб., 2012), посвященный памяти Анастасии Сергеевны Ляпуновой, — исключительно красиво изданная книга, с большим фотоальбом и великолепными — без единого исключения — статьями. Сразу отмечу, что не весь объем издания посвящен Анастасии Сергеевне и вообще семье Ляпуновых, есть и второй раздел, состоящий из разных материалов, связанных с петербургским рукописным наследием, тоже очень и очень привлекательных. В том числе лично привлекательных для автора этих строк, в чьи научные интересы постоянно входит и наследие Римского-Корсакова (косвенно отраженное в воспоминаниях Т.С. Бершадской о «присяжном биографе» Корсакова — В.В. Ястребцеве), и наследие С.В. Смоленского (внимательная, насыщенная различными смыслами статья А.Н. Кручининой

и Ф.В. Панченко о певческих рукописях, пришедших от Смоленского в Отдел рукописей консерватории). Не стану перечислять, что есть еще в этом втором разделе, – все материалы достойны уважения, а очерк А.И. Климовицкого «А.К. Лядов в работе над оркестровкой “Песни о блохе” М.П. Мусоргского» – еще и восхищения мастерством автора. Актуален, конечно, и разговор о редакциях партитуры Второй симфонии Бородина Э.А. ван Домбург, особенно в свете ведущейся сейчас деятельности по восстановлению аутентичного облика партитуры и драматургического плана «Князя Игоря» (уже и озвучили этот облик в театре «Геликон» – пока лишь в концертном исполнении).

Словом, на редкость удался весь девятый выпуск, но все же главное в нем – ляпуновские материалы.

К глубокому сожалению, я не встречалась с Анастасией Сергеевной, но я помню, каковы были люди этого поколения – хранители библиотек и архивов, часто именно женщины, часто происхождением «из бывших» и почти всегда – с трудной личной судьбой. Они делали очень-очень много, а нам – разумеется, смотревшим на них с почтением, – казалось все же, что это естественно, что так оно всегда и бывает. Я помню, например, живую легенду библиотеки Московской консерватории – Ольгу Павловну Ламм (явная параллель Анастасии Сергеевне по характеру и масштабам деятельности). В мое время она уже ушла на пенсию, но часто появлялась в консерваторской библиотеке – и все, педагоги и студенты, кланялись ей при встрече, а многие оборачивались и смотрели вслед; до сих пор помню ее улыбку и сияние огромных голубых глаз. Умершая накануне своего 90-летия, Ольга Павловна никогда не была старой. Кажется, именно так обстояло дело, судя по опубликованным в книге фотографиям, и с Анастасией Сергеевной – на всех фото она очень красивая (как и все в семье Ляпуновых) и, наверное, очень строгая...

Образ Анастасии Сергеевны дан в книге вместе с образами всех Ляпуновых, начиная с Сергея Михайловича и продолжая его супругой и детьми – братьями и сестрами Анастасии Сергеевны. И тут у меня снова возникают «московские параллели». Судьба семьи композитора с шестью детьми, от которой в живущем ныне поколении остался лишь один внук и его дочь, сразу напомнила мне судьбу семьи Василия Ильича Сафонова с десятью детьми, от которой в живущем поколении остался один правнук и его двое детей (в США). В обеих семьях дети были умны, красивы и талантливы. Какой же силы вихрь разметал их всех! Огромное мужество потребовалось тем, кто, будучи в поколении внуков единственными хранителями семейного наследия, выдержали все превратности и всё сохранили. Очень сильными и стойкими были Анастасия Сергеевна Ляпунова и Илья Кириллович Сафонов, ныне оба покойные.

И вот результаты этой стойкости: прекрасно сохраненные, классифицированные семейные (а также в обоих случаях и параллельные семейным) архивы, которые ныне подробно и с любовью описываются авторами этого сборника – сотрудниками Петербургской консерватории Т.З. Сквирской, Ф.В. Панченко, Л.А. Миллер, сотрудником Национальной библиотеки Е.А. Михайловой, сотрудником Пушкинского Дома Л.В. Герашко (в Пушкинском Доме работает также и Ф.В. Панченко), то есть представителями всех «подразделений», хранящих ляпуновские материалы. И кстати, параллельно в Москве вышли сафоновские толстые тома – «Летопись жизни и творчества» и «Письма» (в двух книгах) – плод самоотверженной и сосредоточенной деятельности Л.А. Тумаринсона, о котором надо бы поговорить особо.

Кроме того, в ляпуновском разделе сборника имеется еще два текста – обаятельные воспоминания А.И. Климовицкого об Анастасии Сергеевне и «Дело о церкви» В.Р. Миллера, продолжающего здесь свою любимую тему – церковная деятельность и духовно-музыкальное наследие Сергея Ляпунова.

Описывать содержание такой книги – дело вполне безнадежное, ее надо читать, и притом внимательно. Могу только чуть-чуть остановиться на том, что особенно привлекло меня и даже поразило.

Во-первых, обстоятельства отъезда Сергея Михайловича Ляпунова из Советской России и обстоятельства его кратковременного пребывания во Франции и скоропостижной кончины.

Я всегда думала, что отъезд Ляпунова связан напрямую с известнейшим судебным процессом 1922 года – «делом о Церкви», в котором он был одним из обвиняемых и осужденных, хотя и условно. Было у меня общее представление и о деятельности Ляпунова как старосты консерваторской церкви, и – благодаря трудам сильнейшего питерского церковного историка М.В. Шкаровского, – о сопротивлении Ляпунова вместе со священником этого храма А.М. Толстопятовым (будущим архиепископом Александром) так называемому «изъятию церковных ценностей». Но я не знала, что отъезд Ляпунова был вызван не столько страхом перед дальнейшим преследованием (что наверняка имело бы место, если не в 20-х, то гарантированно – в 30-х годах), сколько невыносимым материальным положением, в которое была поставлена после процесса семья советским налогообложением и реквизицией квартиры, – ей оставалось только голодать. Не знала я и того, что Сергей Михайлович надеялся найти за рубежом одного из своих троих сыновей, ушедшего в Гражданскую войну и пропавшего без вести – вслед за своим братом, погибшим на фронтах Первой мировой.

Но я знала о судьбе третьего сына композитора – Бориса, ставшего иеромонахом, одним из руководителей Александро-Невского братства, и еще застала в живых регента Братства, которая вспоминала, как иеромонах Сергей давал ей «Азбуку Александра Мезенца» и призывал учить крюки и петь по ним в храме. Что, конечно, напрямую перекликается с программами по изучению церковного пения, которые составлял для консерватории его отец. Сергей Михайлович не дождался ареста и преждевременной смерти в лагере своего младшего сына. Может быть, стоило бы сказать об этом подробнее.

Во-вторых, открытием стала для меня переписка Анастасии Сергеевны с людьми из Русского Зарубежья, которую она начала, как только это стало возможно, настойчиво и целеустремленно вела много лет и достигла своей цели – нашла все, что оставалось, из рукописей отца, собрала воспоминания о последнем годе его жизни, прошедшем во Франции, и получила возможность посетить его могилу. Вообще все документы, приводимые В.А. Сомовым в его статье «Из переписки А.С. Ляпуновой», поразительны. И, может быть, особенно письмо 1959 года, с которым Анастасия Сергеевна обратилась в ЦК КПСС, – и по поводу празднования 100-летия со дня рождения композитора, и по поводу перенесения его праха на Родину, и по поводу условий ее собственной жизни. С каким достоинством и как жестко и четко написан этот документ! Правда, 1959 год – это еще так называемая «оттепель», но и тогда немногие решились бы на такой стиль общения с властью. Исключительно интересно также письмо, направленное Анастасией Сергеевной Т.Н. Хренникову уже в 1971 году, после поездки во Францию, и посвященное судьбам русских зарубежных архивов. Если бы тогда, а не двумя-тремя десятилетиями спустя, когда многие спохватились, были предприняты указываемые Ляпуновой меры, в наших хранилищах было бы значительно больше материалов по Русскому Зарубежью, а что касается архивов обоих Черепниных, о которых печется Анастасия Сергеевна, то не пришлось бы нам сегодня гадать, как выудить из Фонда Захера, куда продали архив Николая Николаевича Черепнина его наследники, не представленные в России партитуры двух его поздних опер и еще целого ряда сочинений.

В-третьих, открытием для меня стало сообщение Е.А. Михайловой о так называемой второй описи фонда Ляпуновой в РНБ (открытой только в 1998 году), особенно же о существовании в этом фонде плана неосуществленного романа, рассказов и воспоминаний. Занимается ли этим кто-нибудь? Сообщение о плане романа и даже его «отдельных отрывках» напомнило мне о не очень давно опубликованном романе другой замечательной женщины того же поколения – о «Побежденных» Ирины Владимировны Головкиной-Римской-Корсаковой, внучки композитора, где речь идет о судьбах петербургских «бывших», в том

числе из ее собственной семьи. Кажется, стоило бы опубликовать, если только можно, и прозу Анастасии Сергеевны.

Конечно, много раз на страницах этой прекрасной – повторяю, во всех отношениях, начиная с внешнего облика, прекрасной – книги упоминается имя любимого не просто учителя, а наставника Ляпунова – Милия Алексеевича Балакирева. Сергей Михайлович хранил большую часть его архива, и все это ныне цело и находится в соответствующих местах. Хранила память о Балакиреве и семья Ляпунова: кроме хорошо известных масштабных трудов Анастасии Сергеевны по изданию переписки Балакирева и воспоминаний о нем (всем этим мы пользуемся по сей день, и комментарии Ляпуновой к балакиревским документам, хотя и могут быть дополнены, но по сути своей остаются образцовыми), можно привести и такой факт.

Случайно я купила в Петербурге небольшую книжку: Корсунский В.М. Противостояние: Воспоминания и дневники (СПб: Композитор, 2006). Опубликованные Мариной Щириной под научной редакцией Т.А. Зайцевой дневники этого позднего ученика Балакирева свидетельствуют, во-первых, что в соответствии с заветами Милия Алексеевича Владимир Корсунский остался церковным человеком и во второй половине жестоких 30-х годов сочинял духовную музыку. Еще он относил ее к знакомому регенту в Князь-Владимирский собор, и там новые песнопения исполнялись прямо «из-под пера» – факт сам по себе поразительный. Кроме того, Корсунский оказался единственным человеком, который в дни 100-летия со дня рождения, то есть в 1937 году, озаботился церковным поминовением Балакирева. С певчими договориться не удалось – оказалось слишком дорого, а денег у Корсунского было в обрез; отслужили без пения и совсем скромно: присутствовали только сам Корсунский, а также Варвара Дмитриевна Комарова-Стасова и Ляпуновы, мать и две дочери. Представим себе этот день – 7 января 1937 года: панихида с одним священником в пустом храме и вечером концерт в филармонии, на котором присутствовало не более полусотни человек, в том числе, конечно же, все находившиеся в живых Ляпуновы, и Анастасия Сергеевна среди них...

Воспоминание о 100-летию Балакирева позволяет мне плавно перейти к еще одной петербургской книге, тоже замечательной во всех отношениях. Это – очередной балакиревский том Т.А. Зайцевой под названием «Творческие уроки М.А. Балакирева. Пианизм, дирижирование, педагогика. Творческие очерки» (СПб., 2012). Я сначала удивилась, потому что ожидала следующий по хронологии том большой монографии о Балакиреве, которую пишет Зайцева. Но во вступлении к книге прочла авторское пояснение: отдельной серией издаются сборники документов «Балакиреву посвящается» (вышло два, готовится третий), отдельно – научная биография (вышел первый том, готовятся второй и третий, ведется работа над четвертым); еще существует нотная серия. А появление данного тома объяснено так: «В процессе работы оказалось, что есть темы, которым тесно в рамках данной тетралогии (то есть научной биографии), которые требуют специального изучения... До сих пор эти темы затрагивались только попутно, в тени других сюжетов...»

Оригинальный жанр книги определен самим автором как «исследовательские очерки», то есть он достаточно произволен, и каждая глава – пианист, дирижер, педагог – строится по своему плану, в общем хронологически, но не обязательно, никак не подменяя собой научную биографию, а ветвясь вокруг основных мыслей, как побеги вокруг ствола. Ствол же – конечно, личность Балакирева. Чтобы писать в таком жанре, мало «пролезть» все архивы, все знать «назубок», без справок и как бы держать в голове сразу всю, если можно так выразиться, панораму событий и явлений. Еще надо писать так выразительно и убежденно, с такой мощной «подачей» на читателя, как это делает Татьяна Андреевна и как встречается весьма не часто. Это поучительный и вдохновляющий пример.

Что же касается отдельных идей книги, то в целом они работают на основную цель: раскрытие «дела Балакирева» – скажем опять словами автора, ибо лучше не получится, – как «строительства новой музыкальной культуры», что позволило бы вывести отечественную музыку в авангард музыки мировой. А также – созидания нового образа музыкальной России.

Книга написана и оформлена просто безукоризненно; очень хороши и изобразительный ряд, и многочисленные приложения, среди которых я бы выделила интереснейшие учебно-методические записки Балакирева и, хоть и небольшие, но важные и ранее почему-то не публиковавшиеся воспоминания той самой вышеупомянутой Варвары Дмитриевны Комаровой-Стасовой, которая знала Балакирева с детства и на протяжении многих лет, а кроме того была опытной писательницей, умевшей точно выражать свои мысли. (Подчеркиваю для специалистов: это именно не публиковавшиеся ранее воспоминания, а не тот текст Комаровой о Балакиреве, который был опубликован в РМГ в № 41 за 1910 год.)

Последняя на этот раз петербургская книга, всячески заслуживающая упоминания – Алексеев-Борецкий А.А. Николай Иванович Заремба (СПб: Береста, 2011), – принадлежит молодому ученому, который являет собой отличный пример развития традиций петербургской школы исторического музыковедения. Начиная с выбора героя исследования – Николая Ивановича Зарембы, имя которого известно либо по музыкальной карикатуре в «Райке» Мусоргского («...учит, что минорный тон – грех прародительский и что мажорный тон – греха искупление...»), либо по мимолетному упоминанию в «Летописи» Римского-Корсакова, либо – специалистам по русской музыке – также по письму Бородина с очень жесткой характеристикой работы Зарембы в оркестровом классе только что основанной Петербургской консерватории. Однако книга Алексеева-Борецкого воссоздает иной и наверняка куда более правдивый облик Зарембы – человека достойного и много сделавшего в своей жизни полезного, прежде всего как раз для той самой консерватории, где он стал вторым – после Антона Рубинштейна – директором и из которой был резко и, как бы сейчас сказали, немотивированно уволен.

Вообще с фигурами «второго» или «третьего» планов нередко происходит такая история: занявшись подобным деятелем, исследователь увлекается его «реабилитацией» и теряет из вида реальную историческую картину. Алексеев-Борецкий тоже увлекается судьбой своего героя, но реальную картину не упускает, наоборот – пополняет ее многими новыми фактами и чертами, особенно – по части событий, сопутствовавших открытию первой русской консерватории и установлению распорядка и программ обучения в ней. Правда, такая тема в последнее время разрабатывалась Е.Е. Полоцкой в связи с ее изысканиями по Чайковскому, однако поле оказалось не целиком вспаханным: осталось много неопубликованных документов и нерассмотренных вопросов. Заремба здесь – ключевая фигура и как директор, и, главным образом, как первый педагог-теоретик консерватории, единственный – с систематическим специальным образованием (немецкого происхождения), учивший всех, кто туда пришел, и всему, что требовалось из теоретического курса. И многие ученики поминали его гораздо позже добрыми словами, от Германа Лароша до Василия Сафонова, который учился у Зарембы частным образом в последний год жизни Николая Ивановича.

В результате чтения хорошо и даже, я бы сказала, изящно написанной книги Алексеева-Борецкого острая шутка Мусоргского в адрес Зарембы приобрела в моем сознании конкретный смысл, хотя, наверное, не тот, который имел в виду Модест Петрович. Дело в том, что Заремба был не просто ревностным христианином (евангелического исповедания), но еще и пламенным миссионером и толкователем Священного Писания. Он вполне мог на лекциях заниматься богословским толкованием музыкальных систем, почитая таковое своим долгом перед молодежью. Он и вообще был именно человеком долга. Например, будучи композитором, никогда не ставил своих сочинений в консерваторские

концертные программы, полагая, что педагог должен являть своим ученикам высокий творческий идеал, а себя как композитора считал не достигшим подобного идеала. Редкая по тем – и по любым другим – временам позиция!

Очень заинтересовал и даже тронул меня подробно описанный в книге проект Зарембы по духовному просвещению русского народа, которым Николай Иванович занялся после ухода из консерватории, – большой сборник многоголосных песен под названием «Приношение православным христианам». Дело в том, что в 1860-е годы Заремба, в статусе директора консерватории, входил в инициированную князем Владимиром Одоевским Комиссию по введению церковного пения в народные школы, а также и в Комитет по гармонизации древних церковных напевов. Разумеется, князь Одоевский понимал под духовно-музыкальным просвещением русского народа возрождение знаменного роспева, а вовсе не многоголосные сочинения на свободные тексты в европейском стиле. Понятно, что духовные песни Зарембы не могли пригодиться русскому народу – как народ мог их узнать и что ему было с ними делать? Но вряд ли прав и Кюи, злобно огрызнувшийся – иначе не скажешь – на выход в свет этих песен («По своей окончательной бездарности эти хоры могут занять почетное место среди всего, что только существует в музыке самого бесталанного...» – вот как нелицеприятно выражались наши предшественники!). Заремба от души старался и делал, что мог. Поскольку существует проект аудиозаписи композиторского наследия Зарембы (поддерживаемый его потомками, живущими в Голландии и США и чтущими память прадеда), то, возможно, мы еще услышим эти песни, а также ораторию «Иоанн Креститель», до которой к моменту выхода книги Андрей Борецкий по объективным причинам не смог добраться.

Не могу не отметить в заключение элегантный облик книги, в некоторых деталях стилизованный под XIX век. Уж чего стоит только шрифт, распространенный в том самом веке и практически никогда не используемый в современных изданиях. Не знаю, как его зовут, но шрифт удобно читаемый и, так сказать, емкий; вот только странно смотрится при таком шрифте отсутствие «ятей» и прочих радостей старой орфографии. Но тут уж при всем старании ничего не поделаешь.